

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 119
(1900)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Ваганова «Что происходит с российским научным космосом», опубликованная в «Независимой газете» № 271, 10 декабря 2020 г.

Вологда
декабрь 2020

Что происходит с российским научным космосом

Экономия на исследованиях слишком дорого обходится государству

Весьма осторожный и безукоризненно политкорректный президент Российской академии наук Александр Сергеев неожиданно (или, наоборот, долгожданно для кого-то) откровенно высказался о состоянии отечественной научной космической программы. «Мы больше не можем конкурировать в космосе с другими ведущими в этой области державами, – признал президент РАН, выступая в Госдуме. – Финансирование научного космоса снижено фактически до минимума, что не позволяет нам конкурировать с NASA. Оно, как известно, урезается, и, что самое обидное для ученых, – за счет научного космоса. В текущем году финансирование научного космоса, которое есть в России, в 60 раз меньше, чем финансирование научного космоса в NASA, и составляет 10 млрд руб.».

Когда я обратился с просьбой прокомментировать слова президента РАН к некоторым академикам – их ответ обобщенно сводился к одному: «Сергеев сказал еще очень мягко...».

Действительно, провал отечественной программы научных исследований в космосе в постсоветский период был очевиден давно и многим. Но немногие откровенно признавали это. Исключением, например, был председатель Комитета по метеоритам РАН, член бюро Совета по космосу РАН, академик Эрик Галимов. Именно его книга «Замыслы и просчеты: фундаментальные космические исследования в России последнего двадцатилетия». Двадцать лет бесплодных усилий», вышедшая в 2010 году, впервые так определенно обозначила проблему.

«Итог деятельности России в фундаментальных космических исследованиях за последние 20 лет иначе, как полным провалом, не назовешь, – подчеркивал тогда в беседе с «НГ» Эрик Михайлович. – Поэтому следует задуматься над общими причинами. Я их вижу в некомпетентности и безответственности, проявляющихся на разных уровнях... Мне бы хотелось, чтобы было понято, что ситуация с космическими исследованиями – часть системных проблем, которые у нас возникли в обществе. Это главное».

Совет по космосу РАН – это один из таких уровней. Именно он должен определять направления фундаментальных исследований в космосе. В Федеральной космической программе до 2020 года выделена подпрограмма «Космические средства для фундаментальных космических исследований». Все решения по реализации проектов в рамках этого раздела принимает Совет по космосу РАН. Роскосмос исполняет в этой части принятые Советом решения. По крайней мере должен исполнять.

Но как заказчик Российская академия наук Роскосмосу малоинтересна. Не может же Роскосмос экономить на строительстве в Москве Национального космического центра (НКЦ). В августе 2019-го глава Роскосмоса Дмитрий Рогозин на встрече с президентом РФ Владимиром Путиным показывал один из вариантов проекта НКЦ. Центр займет территорию 250 тыс. кв. м

в Филевской пойме и будет представлять собой небо-скреб 248 м высотой, своими очертаниями несколько напоминающий ракету. В нем разместятся 20 тыс. человек. Обещал построить уже в 2022 году. Президент поддержал проект.

Понятно, что, когда перед Роскосмосом стоит такая сверхзадача, фундаментальная наука – это последняя его забота. И если в отношении отечественной вирусологии президент Путин 29 октября 2020 года мог правомерно заявить, что «в России сохранены и развиваются соответствующие научные школы, созданные еще во времена Советского Союза. Можно только порадоваться, что нам удалось сохранить эти коллективы, их наработки, и они идут дальше», то в отношении научного космоса уже не порадуешься.

И тут, конечно, невозможно не вспомнить, что мы 13 лет не можем доделать и пристыковать к МКС многофункциональный лабораторный модуль «Наука». Последняя отечественная (советская) лунная миссия «Луна-24» была в 1976 году. С тех пор – ни одного запуска космического аппарата в сторону Луны или планет Солнечной системы. Были, правда, две попытки марсианских миссий: «Марс-96» (1996) и «Фобос-Грунт» (2011) – обе неудачные, аппараты погибли на начальных фазах полета.

Станислав Лем когда-то заметил, что «ученым потребуется сначала «воспитать» целое поколение руководителей, которые согласятся достаточно глубоко залезть в государственный карман, и притом для выполнения целей, столь подозрительно напоминающих традиционную научно-фантастическую тематику». В нашем случае процесс «воспитания» критически затянулся.

Между тем фундаментальные космические исследования – это не прихоть яйцеголовых академиков из Совета по космосу РАН. Физика, не решив проблему темной материи и темной энергии во Вселенной, не сможет двинуться вперед; вопрос о происхождении жизни – это сегодня уже не столько вопрос биологии, сколько космохимии и планетологии; геология, как это ни парадоксально, вообще не может развиваться, не учитывая результатов космических исследований.

На сегодняшний день последним нашим крупным достижением в космических исследованиях стала серия научных экспериментов «Плазменный кристалл» (2001–2014) с участием российских и немецких ученых и космонавтов на борту МКС. Но даже и в этом случае не скажешь – «последний аккорд российской космической науки». Юридически все результаты принадлежат Европейскому космическому агентству. Мы – вспомогательные рабочие.

Похоже, все это в совокупности фактически означает, что на российских программах космических исследований поставлен крест. Превратить его в «плюс» пока не представляется возможным.

Андрей Ваганов

Отв. ред. приложения «НГ-Наука»